

Мария Коваленко

Клюоника
— и —
Вероника

18+

Мария Коваленко

Клубника и Вероника

«Автор»

2026

Коваленко М.

Клубника и Вероника / М. Коваленко — «Автор», 2026

Лето. Сочи. Запах моря, свободы и клубники? Вероника — флористка с лёгким сердцем и коллекцией клубничных духов. Она влюбляется мгновенно, но так же быстро разочаровывается. Отпуск с подругой Катей, которая в каждом мужчине видит маньяка, обещает быть предсказуемым: море, солнце, лёгкий флирт. Но всё меняется в тот вечер, когда на набережной Вероника встречает его. Дима — загадочный шеф-повар с грустными глазами и запахом моря. Он не пользуется соцсетями, скрывает прошлое и смотрит на неё так, будто узнал. Катя, вооружённая базами данных и перцовым баллончиком, быстро раскрывает правду. Но правда оказывается сложнее, чем любой детективный сюжет. Потому что у Диминого прошлого есть имя. У него есть дочь, которая рисует маму облаком. «Клубника и Вероника» — это история о любви, которая сильнее времени. О вере в чудеса даже тогда, когда весь мир говорит «будь осторожна». И о том, что настоящая магия пахнет клубникой.

© Коваленко М., 2026

© Автор, 2026

Мария Коваленко

Клубника и Вероника

Пролог

Летом любовь пахнет клубникой. Воздух становится густым, как варенье, а в каждом случайном взгляде, брошенном через улицу, мерещится обещание; кажется, ещё чуть-чуть – и можно растаять прямо на раскалённом асфальте. Город замирает в знойной истоме, стирая границы между «можно» и «нельзя», между мимолётным и вечным. Именно в такие дни приходит то необъяснимое чувство, когда ты перестаёшь быть собой и превращаешься в чей-то невысказанный секрет, в ожидание, от которого пересыхает в горле. А лето только начинается, и впереди – целая вечность, чтобы потерять голову.

Героиня этой истории – Вероника, лёгкая, романтичная, слегка легкомысленная девушка, которая знает о клубнике всё. Она работает флористом, обожает всё красивое, быстро влюбляется, верит в знаки судьбы. Мечтает о крепкой семье и ребёнке, поэтому женатых мужчин отсекает мгновенно. Её визитная карточка – духи с нотой клубники. У неё их целая коллекция:

- «Нота счастья» – утренние, прозрачные, с зелёной клубникой и мятой (для бодрости),
- «Дикая клубника» – дерзкие, с перцем и клубничным ликёром (для вечеринок),
- «Клубника со сливками» – нежные, с ванилью и сливками (для свиданий),
- «Облако любви» – цветочно-клубничные, с пионом (для работы),
- «Поцелуй ночи» – чувственные, с мускусом и карамелью (для особых случаев).

Два года назад она почти вышла замуж. Почти – значит, не сложилось. Жених сказал, что её коллекция клубничных духов – инфантильность, профессия флориста – несерьёзно, а вера в чудеса – удел наивных. Вероника тогда собрала чемодан и ушла.

С тех пор минуло два лета. Вероника не стала старше – по крайней мере, внутри. По-прежнему мечтала о семье. О ребёнке, который будет пахнуть молоком и клубникой. О мужчине, который не скажет, что клубника – это глупо.

Она верила: такая любовь существует. Её просто нужно найти.

За две недели до отлёта в Сочи Катя, её подруга с детективным складом ума и перцовым баллончиком в сумочке, сказала:

- Там море, горы и куча парней в плавках. Кто-то из них точно не маньяк.
- А если я влюблюсь в маньяка? – спросила Вероника.

Катя подумала и ответила:

- Тогда я убью его первой.

Они купили билеты. Вероника упаковала соломенную шляпу, три бесполезные пляжные туники и секретную надежду, о которой даже Кате не рассказывала. Катя упаковала карту города с отмеченными отделениями полиции и запасные беруши.

В самолёте Вероника смотрела в иллюминатор и думала: «А что, если в Сочи меня ждёт не просто отпуск? Что, если я наконец встречу того самого?»

Она не знала, что он уже ждёт. Что он стоит на набережной и смотрит на море за час до её прилёта. И что у него нет социальных сетей.

Катя бы сказала: «Это подозрительно».

Вероника потом скажет: «Это судьба».

А правда, как всегда, окажется где-то посередине.

Глава первая. Там, где море целует горы

Сочи встретило их так, будто зажалось. Не просто встретило – набросилось. Сразу за стеклянными дверями аэропорта воздух стал другим: не московским, высушенный кондици-

онерами, а живым, густым, почти осязаемым. Он пах нагретой хвоей, йодом, жареным кукурузным початком с торговой точки и тем особенным, ни с чем не сравнимым запахом юга, который невозможно описать словами. Его можно только вдохнуть – полной грудью, до головок кружения, до того самого чувства, когда кажется, что жизнь прекрасна.

Вероника замерла на ступеньках аэропорта, раскинула руки в стороны, как будто собиралась обнять весь этот воздух, закрыла глаза и втянула носом – жадно, по-собачьи, ловя каждую ноту.

– Боже, – сказала она. – Катя... ты чувствуешь?

Катя стояла рядом, шурилась на южное солнце и держала в руках свой рюкзак так, будто в нём лежало взрывное устройство. Она тоже втянула носом, поморщилась и выдала вердикт:

– Пахнет выхлопными газами, перегретым асфальтом и какой-то рыбой. Либо скумбрия, либо... уже не скумбрия.

– Ты невыносима, – счастливо рассмеялась Вероника.

– Я реалистична. Здесь ещё и влажность, как в бане. Мои волосы сейчас превратятся в одуванчик, а на коже выступит соль. Я уже потею. Напомни, почему мы не поехали в Калининград? Там прохладно, янтарь, мужчины в свитерах и никаких маньяков.

– В Калининграде нет таких гор, – Вероника махнула рукой в сторону горизонта, где горы поднимались из утренней дымки, как звери, только что проснувшиеся после долгой спячки.

– Зато есть Балтийское море и нормальные мужчины.

– И это говорит женщина, которая пересмотрела все сезоны «Секретных материалов»? – Вероника открыла глаза, достала из сумки соломенную шляпу и водрузила её на голову.

– «Секретные материалы» – документалистика, – парировала Катя. – Там всё по делу. Инопланетяне существуют, в интернете врут, и верить нельзя никому. Особенно мужчинам с красивыми улыбками.

Вероника не стала спорить. Вместо этого она полезла в косметичку, извлекла на свет флакон с нежно-розовой жидкостью и с видом заправского парфюмера пшикнула себе на шею, за уши, на запястья и чуть-чуть – в декольте.

«Клубника со сливками». Ваниль, сливки, клубника в шоколаде и лёгкая нота миндаля. Такие духи нельзя носить зимой – они теряются в морозе. А здесь, в сочинской жаре, они раскрывались полностью: сладкие, липкие, почти пошлые, но с той долей невинности, которая превращает пошлость в кокетство.

Катя закашлялась.

– Ты сейчас всех ос вокруг себя соберёшь. И муравьёв. И, возможно, мелких грызунов.

– Это будет очень сладкое нападение, – парировала Вероника. – Их похоронят в клубничном сиропе.

– Мечта, а не смерть, – буркнула Катя и потащила рюкзак к стоянке такси. – Идём. Я уже заказала машину через приложение. Водитель – Сурен, рейтинг 4.9, три отзыва. Один пишет, что он «отличный человек и аккуратный водитель». Другой – что «немного громко говорит». Третий – что «пахнет чебуреками». Меня настораживает последнее.

– Пахнет чебуреками – это подозрительно?

– Всё, что пахнет едой в закрытом пространстве, потенциально опасно. Что, если это прикрытие? Что, если он не таксист, а...

– А кто?

– Не знаю. Но проверим.

Машина приехала через пять минут. Сурен оказался грузным мужчиной лет пятидесяти с усами, которые жили собственной жизнью, и ароматом жареного мяса, въевшимся в обивку сидений. Он радостно поздоровался, помог закинуть чемоданы и включил радио – пел Шуфутинский. Катя села сзади, застегнула ремень, положила рюкзак на колени и уставилась

в окно, одновременно сканируя салон на предмет острых предметов, трупов или подозрительных пятен.

Вероника же смотрела в окно на пальмы, на море, которое мелькало между домами – то синее, то бирюзовое, то почти чёрное в тени, – и чувствовала, как внутри поднимается что-то огромное и светлое. Это чувство всегда приходило к ней перед чем-то новым. Перед первой любовью оно было щемящим, как забытая мелодия. Перед второй – колючим, как незрелая клубника. Перед третьей – пьяным, как мускат. Сейчас оно было просто счастливым.

– Кать, – сказала она, не оборачиваясь. – А ты веришь в судьбу?

– Верю в Уголовный кодекс, – немедленно ответила Катя, не отрываясь от сканирования обивки сиденья. – Там всё чётко, без душещипательных историй.

– Я серьёзно.

– И я серьёзно. Вот смотри. Если судьба существует, почему она не написала тебе в личку? Почему заставляет мучиться, гадать, страдать? Почему не прислала нормального мужика с букетом, а не очередного маменькиного сынка?

Вероника рассмеялась – громко, открыто, так, что Сурен улыбнулся в зеркало заднего вида.

– У последнего были очень красивые глаза, – сказала она.

– У крокодила может тоже красивые глаза. Но он тебя сожрёт. Медленно, с удовольствием, начиная с конечностей.

– Крокодилы не ходят на свидания.

– Ты не знаешь всех крокодилов, – мрачно парировала Катя. – Я смотрела передачу про рептилий. Они очень хитрые.

Сурен вставил свою реплику, не поворачивая головы:

– Девушки, не ссорьтесь. В Сочи все счастливы. Даже крокодилы. Вон, в адлерском океанариуме живут, им там хорошо.

– Слышишь? – Вероника повернулась к подруге. – Даже крокодилам в Сочи хорошо. Что уж говорить о нас.

– Крокодилы не знакомятся с мужчинами на набережной, – отрезала Катя. – У них есть инстинкты. А у тебя – только клубничные духи и надежда на принца.

– Принцы тоже пахнут, – мечтательно сказала Вероника, возвращаясь к окну.

– Сказками и лицемерием.

– А ещё морем, – добавила Вероника почти шёпотом, потому что в этот момент они выехали на набережную, и море открылось целиком – огромное, бесконечное, живое. Оно дышало, переливалось, манило. Каждая волна набегала на берег с тихим, обещающим шорохом.

Катя замолчала. Даже она не смогла ничего сказать против такого моря.

Они заселились в маленький гостевой дом «Морская ракушка» – так себе название, но внутри оказалось уютно. Две кровати с белым постельным бельём, балкончик, с которого видна полоска моря, и кондиционер, который тархтел как старый дизель. Катя тут же заперла дверь на цепочку, проверила окно на предмет взломоустойчивости и заглянула под кровати.

– На всякий случай, – пояснила она, вылезая из-под кровати Вероники с пыльным комком в руках.

– Кто, по-твоему, влезет к нам на пятый этаж?

– Опытный маньяк. У них есть альпинистское снаряжение. И они знают, что пятый этаж – самый опасный для жертв, потому что меньше свидетелей.

– Ты пугаешь не меня, а соседей, – Вероника вытащила из чемодана лёгкое платье цвета фуксии и приложила к себе перед зеркалом.

– Это платье? – Катя скрестила руки на груди. – Ты что, на маскарад собралась? Фуксия делает тебя похожей на зефир в сахаре.

– А я и есть зефир в сахаре, – нисколько не обидевшись, ответила Вероника. – Сладкий, липкий, с клубничной начинкой.

– И с большим сроком годности? – Катя вздохнула и махнула рукой. – Ладно. Идём на пляж. Только сначала я проверю, где ближайший травмпункт.

– Зачем?!

– Если утонешь. Или если я кого-то утоплю.

Через час они сидели в уличном кафе на набережной. Называлось оно «У дяди Вани» – ни разу не романтично, зато кормили там хорошо, и столики стояли прямо у парапета, так что можно было свесить ноги вниз и почти касаться волн. Море плескалось в трёх метрах, чайки орала так, будто делили наследство размером с тонну анчоусов, а солнце уже поднялось высоко и жарило немилосердно.

Вероника заказала лимонад с клубникой, базиликом и дроблёным льдом. Катя – чёрный кофе, пирожок с капустой и стакан ледяной воды.

– На кого смотришь? – спросила Катя, заметив, что взгляд подружки блуждает по прохожим не просто так, а с лёгким, едва уловимым интересом.

– Ни на кого, – слишком быстро ответила Вероника и отпила лимонад. – Просто наслаждаюсь.

– Ты всегда так говоришь перед тем, как влюбиться в официанта.

Официант у них сегодня был мужчина лет под сорок, с кольцом на пальце и усталыми глазами. Вероника даже не посмотрела в его сторону. Вместо этого её взгляд скользнул дальше – по набережной, по лицам, по спинам, по улыбкам.

Она искала. Сама не знала что. Может, знак. Может, совпадение. Может, ту самую фигуру на горизонте, которая повернётся, встретится с ней глазами, и всё встанет на свои места.

– Я хочу ребёнка, – сказала она в пространство, не глядя на подругу.

Катя поперхнулась кофе. Кофе был чёрным и горячим, поэтому она поперхнулась знатно – закашлялась, замахала руками, чуть не выкинула пирожок с капустой.

– Прямо сейчас? – прохрипела она, когда откашлялась. – Здесь? За соседним столиком? Вон у от того дядьки с пивом?

– Не смешно, – Вероника повернулась к ней. В её глазах не было шуток. Вообще. Только что-то твёрдое, решительное и одновременно очень уязвимое. – Катя, я серьёзно. Мне двадцать шесть. У меня есть работа, которую я люблю. Есть квартира, которую я сама снимаю. Есть коллекция духов, которую я собирала восемь лет. Есть три засохших фикуса, которые я продолжаю поливать в надежде на чудо. И есть кот, который меня ненавидит.

– Ты говоришь о коте или о мужчинах? – осторожно уточнила Катя.

– И о коте, и о мужчинах. Кот хотя бы честный. Он не притворяется, что любит. А мужчины... – Вероника замолчала, покрутила соломинку в лимонаде. – Мне нужна семья, Катя. Не иллюзия семьи, не проект «давай поживём вместе и посмотрим, что из этого выйдет». А настоящая. С ребёнком, который будет пахнуть молоком и нежностью. С мужчиной, который не скажет, что мои духи пахнут дешёвым йогуртом.

Катя отставила кофе. Посмотрела на подругу долгим, внимательным взглядом – тем самым, которым она обычно изучала фотографии подозреваемых в криминальной хронике.

– Значит, – медленно сказала она, – нам нужно найти мужчину. Который: а) не женат, б) не разведён с двумя детьми и алиментами, в) не скрывает, что его зовут на самом деле не Дмитрий, а Мурат, г) не коллекционирует отрубленные пальцы, д) не врёт, что он «просто задержался на работе», а на самом деле играет в танчики с друзьями, и е) – самое главное – не считает клубнику инфантильной. Всё?

– И пахнет морем, – мечтательно добавила Вероника.

– Это уже опция «люкс», но ладно. Я помогу тебе с этим.

– Как?

Катя пододвинулась ближе. Её лицо стало сосредоточенным, почти заговорщицким.

– Я буду проверять каждого, кто подойдёт к тебе ближе, чем на три метра. Я разработала систему. Вот смотри.

Она вытащила из кармана шорт сложенный вчетверо листок, развернула его и положила на стол. Это была самодельная таблица: три колонки, пять пунктов в каждой, внизу приписка красной ручкой: «При малейших сомнениях – баллончик».

– Что это? – Вероника наклонилась, разглядывая каракули.

– Методика оценки мужской благонадёжности. Пункт первый: реакция на слово «ребёнок». Если не моргает – подозрительно. Если улыбается – притворяется. Если меняет тему – женат. Если говорит «я тоже хочу» – вран.

– Боже, – Вероника закрыла лицо руками, но улыбалась.

– Пункт второй: проверка социальных сетей. Я нашла приложение, которое по фотографии лица находит все аккаунты человека. Все! Даже те, которые он удалил. Даже «Одноклассники», которые он забросил в две тысячи десятом. Если у него нет соцсетей – это красный флаг. Либо он шпион, либо он живёт в лесу, либо он убил человека и сменил личность.

– Или он просто не любит соцсети, – возразила Вероника.

– Не любит соцсети? В двадцать шестом году? – Катя подняла бровь так высоко, что она почти ушла под чёлку. – Это так же подозрительно, как не любить хлеб. Все любят хлеб. Если человек говорит, что не любит хлеб, он либо врет, либо у него аллергия, а аллергия – это тоже подозрительно.

– Ты бредишь.

– Я в своей тарелке. Дальше. Пункт третий: запах. Ты говоришь, что чувствуешь мужчин по запаху. Хорошо. Если он пахнет морем – потенциальный кандидат. Если чебуреками – как наш Сурен – тоже кандидат, но на подозрении. Если потом, сигаретами и перегаром – сразу мимо. Если ничем – это самое страшное. Тип, который не оставляет следов, – Катя многозначительно подняла палец.

– Или аскет, который не пользуется одеколоном, – вздохнула Вероника.

– Аскеты – это тоже секта, – отрезала Катя. – Я смотрела фильм. Они живут в лесу и пьют росу.

– Ты больная.

– Я твоя подруга. Это почти одно и то же.

Они рассмеялись. Вместе. Громко. Так, что чайки, обсуждавшие что-то своё на парапете, замолчали и уставились на них с недоумением.

Солнце поднялось ещё выше. Лимонад закончился. Катя допила свой чёрный кофе и теперь задумчиво грызла пирожок с капустой, разглядывая прохожих с профессиональным интересом.

– Вон тот, в синих шортах, – сказала она, кивая в сторону мужчины, который переходил дорогу. – У него походка нервная. И он слишком быстро оглядывается по сторонам. Либо он боится жену, либо он кого-то ищет.

– Или он просто спешит, – устало ответила Вероника.

– Спешат только те, кому есть что скрывать.

Вероника встала. Платье фуксии заструилось по ветру, шляпа съехала на бок, поправить её она не успела – улыбнулась проходившему мимо мужчине с собакой, тот улыбнулся в ответ, Катя чихнула один раз (не знак, аллергия).

– Пойдём гулять, – сказала Вероника, протягивая подруге руку. – Хватит искать маньяков. Давай искать хорошее.

– Хорошее не ищут, – Катя тяжело поднялась, убрала таблицу в карман и взяла Веронику за руку. – Хорошее само приходит. Обычно когда ты уже потеряла надежду.

Они пошли по набережной.

Мимо – лотки с кукурузой, магнитами, ракушками и шапками-ушанками (зачем они в Сочи – загадка века). Мимо – аттракционы, на которых дети визжали от восторга, а взрослые от ужаса. Мимо – кафешки с названиями «Мальдивы», «Бриз», «Шоколадница» и «Как у мамы» (это последнее, судя по запаху, было самым вкусным). Мимо – парочки, которые держались за руки, мимо семьи с колясками, мимо дедушки с газетами, мимо бабушки с семечками.

Вероника шла и впитывала всё это – шум, крики чаек, смех, запах жареного мяса и сладкой ваты. Она думала: «Вот оно. Лето. Жизнь. Счастье – оно не где-то там, в будущем, а здесь, прямо сейчас, под ногами, в воздухе, в каждом вздохе».

И в этот момент она его увидела.

Он стоял у парапета – на том месте, где набережная делала плавный поворот к морю, и оттуда открывался вид на бесконечную линию горизонта. Мужчина был высоким – выше большинства прохожих. Тёмные волосы, чуть влажные от морской соли или пота, падали на лоб. Белая рубашка, закатанная до локтей, обрисовывала широкие плечи, но не театрально – а так, будто плечи были сами по себе, а рубашка просто на них висела. Он смотрел на море: ни на людей, ни на чаек, ни на телефон, который держал в руках. Именно на море – внимательно, спокойно, как будто читал его или слушал.

Ветер чуть трепал его волосы.

И – Вероника могла поклясться – он пах. Даже отсюда, с десяти метров, она почти физически чувствовала этот запах: солёный, свежий, с лёгкой нотой дерева и чего-то неуловимого – то ли кожи, то ли дыма, то ли просто счастья.

Она остановилась как вкопанная.

– Кать, – сказала она одними губами.

– Что? Опять? – Катя, которая как раз проверяла, не следит ли за ними подозрительный тип в кепке, перевела взгляд на подругу, а потом туда, куда смотрела Вероника.

– Кать, – повторила Вероника уже громче. – Я кажется...

– Даже не начинай.

– Он пахнет морем.

– Откуда, чёрт возьми, ты можешь знать, чем он пахнет?! – зашипела Катя. – Мы в десяти метрах! Это минимум! Ветер дует не в нашу сторону! Он вообще может пахнуть потом, пивом и разочарованием, как все мужчины в этой жизни!

– Я чувствую, – почти неслышно сказала Вероника. – У меня нюх на... на своё.

– У тебя нюх на собственную коллекцию. Это называется проекция. И самовнушение. И начальная стадия паранойи, которую, кстати, я очень хорошо понимаю, потому что сама...

Мужчина повернул голову.

Не резко, а медленно, как будто почувствовал чей-то взгляд. Посмотрел прямо на Веронику.

Секунду – или целую вечность, – они смотрели друг на друга. Его глаза оказались светлыми – серыми или голубыми, на солнце было не разобрать. Он не улыбнулся. Но в его взгляде появилось что-то... узнавание. Будто он тоже только что почувствовал запах. Будто ему показалось, что воздух вокруг стал слаще.

Вероника, сама не понимая как, улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ. Чуть. Легко.

Сделал шаг в её сторону.

Катя чихнула. Один раз. Два. На третьем – поперхнулась собственным дыханием и закашлялась, как астматик на пыльном складе.

– Я не специально, – просипела она, вытирая глаза. – Но, Вероника, если это не знак свыше, то я не знаю, что такое знак. Мы уходим.

– Мы никуда не уходим, – Вероника даже не посмотрела на подругу. Она смотрела на него.

Он приближался. Не быстро. Спокойно. Как человек, который никуда не спешит, потому что знает – встреча состоится в любом случае.

Вероника почувствовала, как где-то глубоко внутри – там, где прячется всё самое честное и невозможное, – сладко и громко щёлкнуло. Как будто сердце вдруг вспомнило, зачем оно бьётся.

– Здравствуйте, – сказал он, остановившись в двух шагах.

Голос оказался низким, чуть хрипловатым. И пахло от него действительно морем. Или это просто ветер с воды?

– Здравствуйте, – ответила Вероника.

Катя за её спиной уже открыла приложение для поиска людей по лицу.

– У вас очень необычные духи, – сказал он, чуть склонив голову. – Клубника со сливками. На солнце они звучат... опасно.

Вероника моргнула. Потом рассмеялась – легко, звонко, как колокольчик, у которого наконец-то отвязали груз.

– Это «Клубника со сливками», – сказала она. – Опасно – это «Поцелуй ночи». Но в нём лучше не выходить к морю.

– Почему? – он улыбнулся шире.

– Потому что можно не вернуться.

Катя чихнула ещё раз – на этот раз, кажется, нарочно.

– Вероника, – громко сказала она, – мы договаривались. Три метра.

– Катя, – не оборачиваясь, ответила Вероника. – Заткнись, пожалуйста.

Он посмотрел на Катю, потом снова на Веронику.

– Меня зовут Дима, – сказал он и протянул руку.

Ладонь оказалась тёплой, чуть шершавой. Пальцы длинные. Кожа пахла йодом, солью и – Вероника могла поклясться – едва уловимым, почти неразличимым дымком.

– Вероника, – ответила она, вкладывая свою руку в его.

В этот момент ей показалось, что солнце стало ярче. Или это просто кровь прилила к щекам?

Сзади громко, на весь пляж, прозвучало:

– Дима?! Какой Дима?! Димы бывают двух типов: хорошие и те, которые пропадают ночью без вести! Я сейчас проверю!

Но Вероника уже не слушала.

Она смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри распускается, как клубничный цветок, то самое, ради чего она прилетела в этот город.

Лето только начиналось.

И она уже знала: это будет самое сочное, самое сладкое, самое опасное лето в её жизни.

Глава вторая. Первый поцелуй пахнет солью

Они пошли гулять.

Это случилось так легко, как будто договорились заранее – без лишних слов, без неловких пауз. Дима просто сказал: «Я знаю одно место», – и Вероника кивнула. Даже Катю не спросила. Катя осталась на набережной с открытым ртом и телефоном в руке – она как раз успела сделать скриншот его лица для поиска по базам данных.

– Я позвоню в полицию через два часа! – крикнула она вслед.

– Не надо! – крикнула Вероника, не оборачиваясь.

– Через час! – уточнила Катя.

– Не надо!

– Через полчаса! И я не шучу!

Дима шёл рядом. Не слишком близко, чтобы не давить, но и не на расстоянии вытянутой руки – так, чтобы локти почти касались. Почти. Это «почти» сводило Веронику с ума больше, чем если бы он взял её за руку сразу. Потому что в этом «почти» было обещание. И ожидание. И вопрос, который пока не задали, но он висел в воздухе между ними – прозрачный, как сочинский бриз.

Они свернули с главной набережной в сторону деревянного пирса. Старые доски поскрипывали под ногами. Справа и слева качались лодки, где-то внизу плескалась вода – тёмная, маслянистая, отражающая огни города. Свет фонарей дробился на мелкие блики, и каждый блик прыгал по волнам, как живой.

– Ты часто так гуляешь с незнакомцами? – спросил Дима, не глядя на неё.

– Никогда, – честно ответила Вероника. И удивилась собственной честности. – А ты?

– Тоже никогда.

Он остановился у самого края пирса. Здесь не было фонарей, только свет с берега падал на воду косыми полосами, и лицо Димы оказалось наполовину в тени. Вероника увидела линию его скулы, ямочку на подбородке, прядь волос, упавшую на лоб. И глаза – сейчас, в полумраке, они оказались не серыми и не голубыми, а цвета мокрой гальки: глубокие, с тёмным ободком.

Он смотрел на неё так, будто решал что-то важное.

– А почему мы здесь? – спросила Вероника тише, чем хотела.

– Потому что здесь тихо, – сказал он. – И здесь слышно море. Настоящее. Без музыки, без голосов, без жареных кальмаров.

Она прислушалась. И правда – море здесь говорило. Не шумело, не плескалось, а именно говорило: низко, ритмично, убаюкивающе. Каждая волна набегала на сваи пирса с мягким, почти бархатным звуком.

– Ты любишь море? – спросила Вероника.

– Слишком сильно, – ответил он. – Это почти болезнь.

– Какая болезнь?

– Та, при которой не можешь жить далеко от воды. Я пробовал. Уезжал в Москву, в Екатеринбург, даже в Прагу. Возвращался. Море – как зависимость. Его не бывает много.

Он говорил и смотрел не на неё, а на горизонт – туда, где море сливалось с небом в одну чёрную бархатную бесконечность. Вероника смотрела на него. На то, как ветер шевелит ворот его рубашки. На то, как его пальцы лежат на перилах пирса, совсем близко от её руки.

Очень близко. Почти касаясь.

– Дима, – сказала она.

Он повернул голову. Теперь они смотрели друг на друга в упор. Расстояние – ладонь. Может, меньше.

– Мне кажется, – медленно сказала она, чувствуя, как сердце колотится где-то в груди, – что мы уже встречались.

Он не улыбнулся. Не спросил «где?», не пошутил. Просто посмотрел на неё ещё внимательнее – так, будто искал что-то в её лице. В глазах. В изгибе губ.

– Мне тоже, – сказал он, наконец. – Только я не могу вспомнить где.

– Странно, правда?

– Странно.

Они помолчали. Ветер донёс откуда-то сладковатый дымок – то ли мангал, то ли костёр на пляже. Вероника вдруг поняла, что замерла. Не от холода – вечер был тёплый, тянучий, как карамель. От напряжения. От того, что её тело ждало. Ждало его движения, его решения – приблизиться или отстраниться, коснуться или остаться на месте.

Дима чуть наклонился вперёд.

Не к ней – к перилам. Облокотился, сложив руки. Их плечи теперь разделяло не больше десяти сантиметров. Вероника чувствовала тепло его тела – едва уловимое, но отчётливое, как будто между ними натянулась невидимая струна.

– Расскажи что-нибудь о себе, – попросил он. – Что-нибудь настоящее.

– Настоящее? – она задумалась. – Я флорист.

– Это неправда.

– Что?

– Ты сказала это так, будто рассказываешь, какой у тебя тариф у оператора. А я просил настоящее.

Вероника посмотрела на него с новым интересом. Он не просто слушал – он слышал. Различал, где заученная фраза, а где живая.

– Хорошо, – сказала она. – Настоящее. Я до сих пор сплю с игрушкой. Это белый медведь, его зовут Сахар. Мне его подарили, когда мне было пять, и я не могу его выбросить, даже если кто-то скажет, что это детство. Ещё я плачу над роликами про бездомных животных. И я очень хочу ребёнка. Настолько, что иногда мне становится страшно от силы этого желания.

Она замолчала. Слишком много? Слишком откровенно для первого вечера?

Дима молчал. Долго. Так долго, что Вероника начала жалеть о каждой сказанной фразе.

Потом он повернулся к ней. Взял её руку. Медленно, бережно, как будто она была хрупкой – хрупче, чем была на самом деле. Его пальцы легли ей на запястье, туда, где бился пульс. Сильно. Слишком сильно. Он наверняка чувствовал.

– Моего отца не стало, когда мне было двенадцать, – сказал он негромко. – Мама растила меня одна. И знаешь, что она говорила? «Дима, если ты встретишь женщину, которая не боится говорить о важном на первом свидании – не отпускай её».

– У нас свидание? – спросила Вероника едва слышно.

– А ты не поняла?

Его глаза улыбались. Только глаза – губы оставались серьёзными. Вероника вдруг заметила, что у него ресницы длиннее, чем кажутся на первый взгляд, и что под левым глазом есть крошечная родинка, которую она раньше не разглядела.

Он всё ещё держал её за запястье. Не сильнее, чем нужно, чтобы чувствовать пульс. Но не отпускал.

– Тебе не жарко? – спросил он.

– Жарко, – выдохнула она.

– Мне тоже.

Он отпустил её руку. Вероника почувствовала, как на освободившееся место тут же набежал вечерний воздух – прохладный, солёный. Место на коже после прикосновения его пальцев стало пустым. Очень пустым.

– Пойдём, – сказал Дима. – Я обещал тебе ужин.

– Ты не обещал.

– Обещал. Ты просто не слышала. Это я так, про себя.

Он улыбнулся – впервые за весь вечер широко, открыто. И в этой улыбке было что-то мальчишеское, почти застенчивое. Вероника поняла, что пропала окончательно.

Они ели в маленьком ресторане, который висел прямо над водой. Домик на сваях, деревянные столики, свечи в банках. Называлось заведение «Причал» – без пафоса, но с душой. Вероника заказала рыбу на гриле, салат, клубнику и бокал белого вина. Дима то же самое, только без рыбы. Он оказался вегетарианцем. Объяснил коротко: «Просто не люблю, когда кто-то умирает ради моего ужина».

– Ты вообще какой-то слишком правильный, – заметила Вероника, отпивая вино. – Непьющий? Неженатый? Без соцсетей? Подозрительно.

– Я пью. Иногда. Очень редко, – он поднял свой бокал. – За встречу.

Они чокнулись. Звук получился тонким, почти музыкальным.

– А почему без соцсетей? – не отставала она.

Дима помолчал, глядя на свечу. Пламя колебалось от ветра, бросало тени на его лицо.

– Потому что я хочу, чтобы люди знали меня настоящего. А не ту картинку, которую я могу нарисовать в интернете. Соцсети – это как духи, которыми поливают всё подряд. В итоге не понять, где правда, а где просто красивая этикетка.

– Ты говоришь о моих духах?

– А у тебя есть духи? – он притворно удивился. – Я не заметил.

Она легонько стукнула его по руке. Он рассмеялся, и Вероника почувствовала, как этот смех отзывается где-то в груди.

– Есть, – сказала она. – Сегодня у меня «Клубника со сливками». Это для...

Она запнулась. Сказать «для свиданий» было слишком откровенно.

– ...для вечеров у моря, – закончила она.

Дима наклонился ближе. Совсем чуть-чуть – на пару сантиметров. Вероника ощутила его дыхание – тёплое, с ноткой вина. Он вдохнул. Медленно. Так, будто пробовал её на вкус, ещё не касаясь губами.

– На клубнику похоже, – сказал он. – Но не совсем. Слишком... нежно. Как будто кто-то разбавил клубнику сливками и добавил туда что-то ещё.

– Ваниль, – выдохнула она.

– Точно. Ваниль. И ещё что-то... зелёное. Свежее.

– Листья клубники, – Вероника вдруг почувствовала, что краснеет. От того, как близко его лицо. От того, как он вслушивается в неё – не в слова, в запах. – Там есть нота зелени. Чтобы не было слишком приторно.

– Хороший выбор, – сказал он и отодвинулся.

Она выдохнула – оказывается, не дышала всё это время.

Рыбу принесли быстро. Вероника ела, чувствуя на себе его взгляд. Не назойливый – тёплый, изучающий. Он ел свой овощной салат и смотрел на неё так, будто она была чем-то гораздо более интересным, чем еда.

– Что? – не выдержала она.

– Ничего. Просто смотрю.

– На что?

– Как ты улыбаешься, когда тебе вкусно. У тебя появляются ямочки на щеках. Две. С левой стороны глубже.

Вероника чуть не поперхнулась рыбой.

– Ты слишком внимательный. Это подозрительно.

– Катя бы сказала: «Это признак маньяка», – усмехнулся Дима.

– Ты уже познакомился с Катей?

– Мы не знакомились. Но она смотрела на меня так, будто я уже должен быть в розыске.

– Она на всех так смотрит.

– Тогда мы с ней поладим.

Он снова улыбнулся. И снова так, что Вероника потеряла нить разговора. Ей вдруг стало всё равно, о чём они говорят, что едят, куда дует ветер. Потому что в этом ресторане, на этом пирсе, в этом городе был он, а всё остальное стало фоном.

После ужина они не пошли домой. Спустились с пирса на пляж – мелкую гальку, которая хрустела под ногами. Вода была тёмной, почти чёрной, но набегающие волны оставляли на мокрых камнях светлые следы – пенные кружева, тающие за секунду.

Дима снял ботинки и носки. Вероника – босоножки. Они зашли в воду по щиколотку. Вода была тёплая, летняя, ласковая.

– В Москве я бы сейчас сидел в квартире с кондиционером и смотрел сериал, – сказал Дима. – А здесь... здесь хочется жить.

– Жить или влюбляться? – спросила Вероника.

Он посмотрел на неё. Долго. Так, что тишина между ними стала плотной, почти осязаемой.

– А это разные вещи? – спросил он.

Вероника не ответила. Потому что в этот момент он взял её за руку. Не за запястье – за ладонь. Переплёл пальцы. Его рука оказалась шире, горячее, жёстче. Но не грубо, мягко, вопросительно. Она сжала его пальцы в ответ. И мир сузился до точки их соприкосновения.

Они стояли по щиколотку в море, держались за руки и молчали. Волны набегали, касались их ног и отступали, как будто проверяли – настоящие ли они, не привиделись ли друг другу в тёплом сочинском мареве.

– Вероника, – сказал он.

– Да?

– Я хочу тебя поцеловать.

Не спросил. Сказал. Твёрдо. Без игры. Без кокетства.

Она подняла голову. В темноте его глаза блестели – отражением воды или света с берега. Он стоял так близко, что она видела каждую ресницу. Каждую складочку на губах. Лёгкую щетину на подбородке – чёрную, жёсткую.

– Я тоже, – сказала она.

Он не набросился, не придвинулся резко. Он наклонился медленно, давая ей время отстраниться, если она передумает. Но она не передумала.

Его губы коснулись её губ сначала едва-едва – пробой, вопросом. «Можно?» – спросило это прикосновение. «Да», – ответила она, приоткрыв рот.

Тогда он поцеловал её по-настоящему.

Глубоко. Медленно. Так, будто они не торопились – у них была целая вечность. Его рука легла ей на затылок, пальцы запутались в волосах. Другая – на талию, чуть выше, чем можно было ожидать на первом свидании. Но Веронике не хотелось отодвигаться. Ей хотелось вжаться в него, почувствовать, какой он твёрдый, горячий, настоящий.

Она положила ладони ему на грудь. Прямо на рубашку. Чувствовала, как бьётся его сердце – часто, сбивчиво. Так же, как у неё.

Они оторвались друг от друга через минуту – или через час. Вероника не знала. Время растворилось, как сахар в чае.

Дима убрал прядь волос с её лица. Кончиками пальцев. Осторожно, как будто она была из того же хрупкого вещества, что и морская пена у их ног.

– Я знал, – сказал он тихо.

– Что?

– Что ты будешь пахнуть именно так. Я не знал, что это будут духи с клубникой. Но знал, что запомню этот запах навсегда.

– Ты говоришь странные вещи, – прошептала она.

– Я говорю правду. Это ещё страннее.

Он поцеловал её в лоб. Лёгким, почти невесомым поцелуем. И крепче сжал её руку.

– Пойдём, провожу тебя до дома, – сказал он. – А то твоя подруга, наверное, уже позвонила в полицию.

Вероника рассмеялась. Она знала, что Катя действительно позвонила. Уже три раза. И четвёртый будет последним перед вызовом спецназа. Но сейчас ей было всё равно.

Сейчас в её ладони лежала его рука – большая, тёплая, немного шершавая. А на губах – вкус соли. И тот, другой, неуловимый – как будто поцеловал море, а море поцеловало в ответ.

Она шла по хрустящей гальке, босиком, с босоножками в одной руке и с женщиной – за другую.

И думала: «Вот оно. То самое. Чего я так боялась и так ждала».

А сейчас – было море. Ночь. И первый поцелуй, который пах солью и обещанием.

Глава третья. Утро разбивает иллюзии

Вероника не спала почти всю ночь. Она лежала на спине, раскинув руки в стороны, и смотрела в потолок, где лениво кружил вентилятор. Лопасти его двигались медленно, со скрипом, разрезая тёплый сочинский воздух на ломтики – как масло. Где-то за стеной бормотал телевизор, где-то на лестнице хлопнула дверь, где-то внизу, на набережной, всё ещё играла музыка – далёкая, едва различимая, словно воспоминание о чём-то сладком.

Она улыбалась.

Губы всё ещё помнили его поцелуй. Не навязчиво, не настойчиво – мягко, как будто он оставил на них невидимый след. Солёный, чуть терпкий, с привкусом вина и моря. Вероника провела по ним кончиками пальцев – осторожно, почти благоговейно, – и снова почувствовала то же самое: лёгкое головокружение, слабость в коленях, желание закрыть глаза и провалиться в этот поцелуй навсегда.

Ладонь – её левая ладонь – помнила тепло его пальцев. Как он переплёл их со своими, когда они шли по пирсу. Как сжал – не больно, но уверенно, как будто хотел сказать: «Я здесь. Я рядом. Я не отпущу». Каждый его палец оставил на её коже невидимый отпечаток – тёплый, живой, настоящий.

Затылок – помнил его руку. Ту, которая гладила волосы, когда они сидели на лавочке у её дома. Он делал это машинально, как будто всегда так делал – касался её, поправлял пряди, убирал их за ухо. И в этом жесте не было ничего наигранного, ничего специального. Просто ему хотелось её касаться. Просто он не мог иначе.

«Спокойной ночи, Вероника, – сказал он тогда, поцеловав её в уголок губ – легко, почти целомудренно. – Приснись мне».

«А ты мне приснись», – ответила она, и голос её дрогнул. Не от страха – от того, что она вдруг поняла: это не флирт, не кокетство, не лёгкая курортная интрижка. Это что-то другое. Настоящее, родное.

«Обязательно», – сказал он.

И ушёл. Не оглядываясь. Но шёл медленно – так медленно, что Вероника могла разглядеть каждую складку на его рубашке, каждый завиток тёмных волос на затылке, каждое движение плеч. Он шёл и не оборачивался, потому что боялся, что если обернётся – не сможет уйти.

Она поднялась к себе, закрыла дверь на щеколду (Катина наука), разулась, прошла босиком по прохладному полу и рухнула на кровать, не раздеваясь. Смотрела в потолок, кружила вентилятор, и в голове у неё крутилась одна и та же мелодия – кажется, та, что играла в ресторане, когда они ели рыбу. Или это её сердце так стучало? Слишком быстро, слишком громко? Она уже не разбирала.

В комнате пахло морем – открытое окно пропускало внутрь солёный бриз, смешанный с запахом разогретого асфальта и ночных цветов. Где-то внизу разговаривали люди – тихо, чтобы не разбудить соседей. Где-то плакал ребёнок – тоненько, надрывно, и кто-то его укачивал.

Жизнь шла своим чередом. А Вероника лежала и думала о мужчине, которого знала всего несколько часов.

Катя спала на соседней кровати, отвернувшись к стене. Дыхание её было ровным, глубоким, без обычного посапывания – она спала чутко, как кошка, готовая в любой момент вскочить и защищаться. Вероника обрадовалась – подруга уснула, не дождавшись её. Значит, не будет допроса с пристрастием.

«Успеется утром», – подумала Вероника и закрыла глаза.

Утро началось в 7:42.

Вероника ещё не открыла глаза, а уже почувствовала – на неё смотрят. Тяжёлый, пронзительный взгляд, который прожигает дыру в щеке. Она пошевелилась, натянула одеяло на голову – но взгляд не исчез. Он стал только плотнее, тяжелее, почти осязаемым.

– Я знаю, что ты не спишь, – раздался Катин голос. Спокойный, ровный, с лёгкой хрипотцой – она не спала всю ночь, и её голос это выдавал.

Вероника приоткрыла один глаз.

Катя сидела на своей кровати, поджав ноги по-турецки. На коленях – ноутбук, открытый на каком-то сайте с серыми буквами и официальными печатями. На носу – очки для чтения, квадратные, чёрные, которые она надевала только когда никто не видел, потому что считала их «неженственными». Лицо – напряжённое, сосредоточенное, как у хирурга перед сложной операцией. Или у следователя перед допросом особо опасного преступника.

– Доброе утро, – прохрипела Вероника, чувствуя, как язык прилипает к нёбу.

– Не доброе, – отрезала Катя. – Вчера в двадцать три пятнадцать ты должна была вернуться домой. Вместо этого ты пришла в ноль часов сорок две минуты. С опозданием на восемьдесят семь минут.

– Ты что, засекала?

– Я не спала, – Катя поджала губы. – Я ждала тело.

– Какое тело?

– Твоё, – Катя поставила ноутбук на тумбочку, сняла очки, потерла переносицу. – Потому что с вероятностью восемьдесят процентов ты провела вечер с серийным убийцей, который на следующее утро должен был выбросить твои останки в море. Или закопать в горах. Или...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.